

DOI 10.58351/2949-2041.2025.27.10.008

Юдакина Анна Александровна
студент, кафедра истории
и типологии русской и зарубежной литературы
Воронежский государственный университет

**ИНТЕРПРЕТАЦИИ «ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ»
ПРИРОДЫ РОМАНОВ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
INTERPRETATIONS OF THE "IDEOLOGICAL" NATURE
OF F. M. DOSTOEVSKY'S NOVELS IN RUSSIAN LITERARY CRITICISM
AND PHILOSOPHY OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES**

Аннотация. Статья посвящена анализу попыток интерпретации категории идеи в творчестве Ф. М. Достоевского в русской гуманитарной мысли конца XIX – начала XX веков. В ходе анализа было выявлено, как русские критики и философы понимали «идеологическую» природу романов Достоевского.

Abstract. The article is devoted to the analysis of attempts to interpret the category of idea in the works of F. M. Dostoevsky in Russian humanitarian thought of the late XIX – early XX centuries. The analysis revealed how Russian critics and philosophers understood the "ideological" nature of Dostoevsky's novels.

Ключевые слова: Достоевский, идея, идеологический роман.

Keywords: Dostoevsky, idea, ideological novel.

Творчество Ф. М. Достоевского находилось под пристальным вниманием критиков и исследователей не только при жизни писателя, но и на протяжении всего XX века. В данном исследовании мы обратимся к работам периода первой трети XX века, посвященным описанию идеи в творчестве классика. В это время критиков занимала религиозная составляющая произведений писателя, например, в книге Д. С. Мережковского «Толстой и Достоевский» (1902) отдельная часть посвящена именно этому вопросу. О религиозной идентичности, скрытой в творчестве Достоевского, об отношениях между богом и человеком писали многие русские религиозные философы, например, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, В.В. Розанов, позднее – Н. О. Лосский («Достоевский и его христианское понимание», 1953). С. Н. Булгаков в своем «Очерке о Ф. М. Достоевском» (1906) отмечает, что для его поколения «интересен уже весь Достоевский, как он был в действительности, а не как обкорнала его и отпрепарировала публицистическая критика, искавшая в нем лишь социального обличения» [4, с. 5].

Роль и природу идеи рассматривал Б. М. Энгельгардт в своей статье «Идеологический роман Достоевского». Он исходит из социологического и культурно-исторического определения героя Достоевского. Герой – это представитель «случайного племени», оторванный от почвы. В таком сознании мысль, мечта, идея получают исключительное влияние. Она уже не встречает препятствий со стороны правил, долга, чести. Не встречая сопротивления, простая мысль превращается в «идею», полностью завладевает сознанием героя, поэтому доминантой художественной реконструкции характера становится идея. Энгельгардт отмечает, что «Достоевский изображал жизнь идеи в индивидуальном и социальном сознании, ибо ее он считал определяющим фактором интеллигентного общества. <...> Он писал романы не с идеей, не философские романы во вкусе XVIII века, но романы об идее. <...> Он культивировал и вознес на необычайную высоту совершенно особый тип романа, который, в противоположность авантюрному, сентиментальному, психологическому или историческому, может быть назван идеологическим» [11, с. 90].

Б. М. Энгельгардт пишет о том, что позднее раскроет в своей работе М.М. Бахтин: использование идеи как доминанты при изображении героев приводит к тому, что мир романа



распадается на миры героев, каждый из которых организован своей идеей. При этом «принципом чисто художественной ориентировки героя в окружающем является та или иная форма его идеологического отношения к миру. Подобно тому, как доминантой художественного изображения героя служит комплекс идей-сил, над ним господствующих, точно так же доминантой при изображении окружающей действительности является та точка зрения, с которой взирает на этот мир герой» [11, с. 93].

В зависимости от характера идеи, определяющей мировоззрение героя, Энгельгардт различает три аспекта, которые определяют внешний мир: среда (механическая система строго необходимых причин и следствий), почва (система творчески развивающегося народного духа) и земля. Энгельгардт отмечает, что понятие «земля» – одно из самых глубоких у Достоевского, «это та земля, которая от детей не рознится <...> Это высшая реальность и одновременно тот мир, где протекает земная жизнь духа, достигшего состояния истинной свободы...» [11, с. 93].

Энгельгардт предполагал, что эти три аспекта и соответствующие им темы представляют отдельные этапы диалектического развития духа. Этот тезис впоследствии оспаривал М. М. Бахтин, отмечая, что «если бы действительно идеи в каждом отдельном романе – планы же романа определяются лежащими в их основе идеями – располагались как звенья единого диалектического ряда, то каждый роман являлся бы законченным философским целым, построенным по диалектическому методу. Перед нами в лучшем случае был бы философский роман, роман с идеей (пусть и диалектической), в худшем – философия в форме романа <...> Ни в одном из романов Достоевского нет диалектического становления единого духа, вообще нет становления, нет роста <...>» [1, с. 33].

М. М. Бахтин называет героя Достоевского идеологом, причем полноту значения идеологическое творчество героев получает в романах, где идея становится уже почти героиней произведения. Категории самосознания – основные категории мышления о мире, поэтому «высшие принципы мировоззрения – те же, что и принципы конкретнейших личных переживаний» [2], чем достигается слияние личного переживания с идеей.

Идея имеет два пути существования: в одном случае она сохраняет свою интенциональность лишь на почве самосознания, которое является доминантой художественного изображения героя. В монологическом художественном мире идея, принадлежащая герою, представляющему собой твердый и завершенный образ, утрачивает свою прямую интенциональность, становится простой художественной характеристикой. Но если в монологическом мире идея сохраняет свою значимость, то она отдалается от художественного образа героя, который становится простым носителем идеи, а она сама тяготеет к системно-монологическому мировоззрению самого автора.

В художественном мире Достоевского мысль не отделяется от человека, у нее есть две стороны: предметный смысл и человеческая установка, то есть художественный мир представлен не как мир упорядоченных объектов, а как мир «взаимно освещающихся сознаний, сопряженных смысловых человеческих установок» [2].

Уже позднее, в своей монографии «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин, обращаясь к образу Раскольникова, подчеркивал, что сознание героя становится «ареной борьбы чужих голосов». События ближайших дней отражаются в его сознании, приобретают форму «напряженнейшего диалога с отсутствующими собеседниками (с сестрой, с матерью, с Соней и другими)», в котором Раскольников пытается разрешить свою мысль. Идея героя при этом никогда не излагается в монологической форме: мы знакомимся с содержанием статьи Раскольникова в диалоге героя с Порфирием Петровичем, в котором также участвуют Разумихин и Заметов. Бахтин писал, что идея, утрачивая свою монологическую завершенность, достаточную для одного сознания, приобретает сложность и многогранность силы-идеи, которая живет и действует в «большом диалоге эпохи и перекликающейся с родственными идеями других эпох» [1, с. 101].

С идеями Бахтина созвучны тезисы П. М. Бицилли. Рассуждая об идее у Достоевского, он обращает внимание, что, в отличие от Толстого, у которого «Я» – реальный жизненный



процесс, у автора «Преступления и наказания» идея раскрывается вне времени и пространства. Герой Достоевского – носитель той или иной идеи, а одержимость идеей проявляется в отношениях со средой и с окружающими. Герой статичен, он сразу представлен таким, какой он есть, и то, что с ним происходит, заранее предопределено.

А. З. Штейнберг в своей книге «Система свободы Достоевского» пишет о том, что герои классика не являются избранными натурами, «отмеченные даром метафизической мысли», и сам автор стремится показать, что «философское призвание есть удел русского человека вообще, что каждый русский человек <...> – философ, систематик и творец <...>» [10, с. 38]. Д. Мережковский отмечает, что «главные герои Достоевского – Раскольников, Версиков, Ставрогин, князь Мышкин, Иван Карамазов – прежде всего люди умные <...>» [8]. Отвлеченные мысли героев наполнены эмоциями, страстью, а метафизические послы и выводы берут начало не только в разуме, но и в сердце и чувстве.

Для характеристики категории идеи в творчестве Достоевского необходимо обратить внимание и на то, как вообще понимается человек в произведениях писателя.

Н. А. Бердяев отмечает, что судьба человека (тема, которая являлась необыкновенно важной для Достоевского) раскрывается в «Преступлении и наказании» иначе, чем в других романах писателя. Загадкой является не сам Раскольников, но его преступление. Герой «разгадывает границы человеческой природы наедине с собой, он экспериментирует над собственной природой» [3], но это «своеволие» еще не меняет коренным образом суть человека, как это будет происходить в последующих романах писателя.

В центре мирозерцания Достоевского стоит, по мнению Бердяева, свобода. Все романы-трагедии писателя раскрывают испытания человеческой свободы. Свобода у писателя не отождествляется с добром, истинным совершенством, а являет собой цельное понятие, имеет самобытную природу. В героях Достоевского свобода бунтующая, это не только христианская свобода, которая представляет собой бесконечность (как и бесконечные человеческие стремления), но и явление нового духа, когда «человек выходит из-под внешней формы, внешнего закона и страдальческими путями добывает себе внутренний свет» [3].

Судьба свободы в героях Достоевского трагическая: она переходит в «своеволие, бунтующее самоутверждение человека» [там же]. Раскольникова свобода доводит до преступления, свобода Свидригайлова разлагает личность.

Л. Шестов называет главной трагедией Раскольникова то, что он сознает себя неспособным на убийство. И Раскольников, и Иван Карамазов – «плоть от плоти самого Достоевского» [9]. Трагедию подпольного человека, Раскольникова, Карамазова мысль автора выводит из его собственной души.

Вяч. Иванов в своей работе «Достоевский и роман-трагедия» рассуждает о том, что идея вины и возмездия, которая является центральной для трагедии, есть и центральная идея романов Достоевского. Катастрофу-преступление Достоевский объясняет трояко: из метафизической анатомии личной воли, из психологического прагматизма, из прагматизма внешних событий. Вяч. Иванов отмечает, что «тройное объяснение человеческой судьбы отражено, кроме того, в плане общественном» [5, с. 413], так что метафизика личной воли оказывается связана с «метафизикой соборной воли», а в судьбе человека сочетаются свобода и необходимость.

План анатомии личной воли у Достоевского раскрывается через трагедию низших планов (психологический прагматизм и прагматизм внешних событий), они нужны для выявления глубинной трагедии самоопределения человека (бытие в Боге или бегство в небытие). Поэтому в романах Достоевского устанавливается метафизическое преступление в эмпирическом преступлении, т.е. «метафизический» преступник не всегда совпадает с «земным» преступником. Говоря о преступлении, стоит отметить, что у Достоевского за виной и возмездием все-таки следует спасение преступника через нравственное и духовное перерождение.



Причиной преступления Вяч. Иванов, как и Энгельгардт позднее, называет «оторванность от земли», то есть герой, оказываясь изъятым из среды (или ощущая себя таким), отвергает Бога, при этом возвращение к Матери-Земле помогает воскресить первозданное состояние в душе героя.

Таким образом, идея в творчестве Достоевского воспринималась в гуманитарной мысли конца XIX – начала XX века как доминанта художественного мира писателя. Исследователи интерпретировали идею как форму проявления личности: идея интенциональна, неотделима от героя, составляет его суть, его движущую силу. Более того, идея сама антропоморфна: она ведет себя как живое, разумное, а иногда и злонамеренное существо, которое как бы поселяется в человеке и подчиняет его себе, вступает то в диалог, то в конфликт с другими идеями, расщепляя личность и каждое ее слово, на территории которых она встречается со своими антиподами. И подобный двусмысленный сплав идеи и героя был вполне созвучен художественной практике той эпохи.

Список литературы:

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин // Соч.: в 7 т. – Москва, 2002. – 505 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского [Электронный ресурс] / М. М. Бахтин. – 1994. – Режим доступа: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-tvorchestva/1-glava-iii-ideya-u-dostoevskogo.htm>
3. Бердяев Н. А. Мирозерцание Достоевского [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев. – Прага: изд-во YMCA-PRESS, 1923. – Режим доступа: <https://www.vehi.net/berdyaev/dostoevsky/index.html>
4. Булгаков С. Н. Очерк о Ф. М. Достоевском / С. Н. Булгаков // Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. – Т. 1. – Санкт-Петербург, 1906. – С. 3-40.
5. Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия / Вяч. Иванов // Собрание сочинений. – Т. 4. – Брюссель, 1987. – С. 401-444.
6. Иванов Вяч. Достоевский: Трагедия – Миф – Мистика» / Вяч. Иванов // Собрание сочинений. – Т. 4. – Брюссель, 1987. – С. 483-590.
7. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс] / Н.О. Лосский // Азбука Веры. – 1953. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/> (дата обращения: 29.12.23)
8. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский [Электронный ресурс] / Д. С. Мережковский. – Издание второе. – Санкт-Петербург: издание журнала "Мир искусства", 1901-1902. – Режим доступа: <https://predanie.ru/book/189623-l-tolstoy-i-dostoevskiy/>
9. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Философия трагедии [Электронный ресурс] / Л. Шестов. – Москва: изд-во Ренессанс, 1993. – Режим доступа: http://russianway.rhga.ru/upload/main/17_Shestov2.pdf
10. Штейнберг А. З. Система свободы Достоевского / А. З. Штейнберг. – Берлин, изд-во «Скифы», 1923. – 144 с.
11. Энгельгардт Б. Идеологический роман Достоевского / Б. Энгельгардт // Достоевский. Статьи и материалы. – Ленинград, 1925. – С. 71-108.

